

Поэтическая судьба Марии Петровых была непростой. Это подтверждают современные издания стихов М. Петровых, а также неопубликованные тексты, письма, черновики, воспоминания современников.

При жизни М. Петровых почти не печатала своих стихов, хотя писала с конца двадцатых годов.

Современники высоко ценили стихи М. Петровых. Известный переводчик, поэт, бывший сокурсник М. Петровых по Высшим литературным курсам Арсений Тарковский отмечал «врожденный поэтический голос» Марии Петровых. В своей статье о М. Петровых он писал: «У нее слова загораются одно от другого, соседнего, и свету их нет конца. Тайна Марии Петровых — тайна обогащенного слова. И тайна в том, что она была большим поэтом».

Об особенностях поэтического дара М. Петровых говорила также Елена Николаевская, известный советский переводчик, в статье «Тайна»: «У Марии Петровых абсолютный слух. Абсолютная зоркость. Чуткость. Совершенное чувство гармонии. Чувство меры. Вкус. Чувство природы, слиянности с нею».

Анна Ахматова называла М. Петровых «превосходным поэтом», а о стихотворении «Назначь мне свиданье на этом свете» отзывалась как о «шедевре лирики последних лет». Об этом пишет В. Адмони в своих воспоминаниях «Вы запомнились сестрою дальней».

Борис Пастернак также высоко ценил дарование М. Петровых, но она предпочитала держаться в тени и почти не печатала своих стихов. О скромности и этих качествах характера поэта писала известный переводчик Вера Звягинцева, называя Марию Петровых «чудом» и удивляясь тому, что ей даже слава не нужна.

Мария Петровых, думая о себе, о своей судьбе поэта, писала, раскрывая сущность своей души:

*Мы начинали без заглавий,
Чтобы закончить без имен.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.*

Или:

*Бесценный дар поэта
Зарыла в землю я.
Велению не внемля,
Свой дар зарыла в землю...
Для этого ль, затем ли
Я здесь была, друзья!*

Строки из «Завещания» объясняют отношение М. Петровых и к своим стихам, и к работе над переводами:

*Один лишь труд безвестный —
За совесть, не за страх,
Лишь подвиг безвозмездный
Не обратится в прах...*

Успехи переводчицы Марии Петровых значительны. В ее прекрасных переводах выходили стихи болгарских, еврейских, литовских, польских поэтов, но самое близкое ей по духу поэтическое пространство — это Армения.

В преодолении культурных барьеров перевод играет колоссальную роль. Перевод — это диалог не только между двумя языками, но и между двумя культурами. Несмотря на то, что любая культура обладает определенными национально-специфическими чертами, которые составляют ее уникальность, в любой культуре имеются компоненты, отражающие общечеловеческие духовные ценности. Это культурные универсалии, которые лежат в основе всех типов культур. Они свидетельствуют о сходстве в выражении мыслей и чувств людей, представителей разных культур. Вместе с тем перевод не всегда в полной мере может преодолеть специфические различия бытовой и духовной культур народов.

Эти «белые пятна» говорят о национальном своеобразии, которые переводчик по мере возможности старается привнести в переводимый текст. Переносятся все этнические, общественные, географические, бытовые реалии (по возможности), формы речевого этикета, топонимы и т. п.

Мария Петровых как переводчик начинала в 1934 году. Поэт Георгий Шенгели, работавший в Гослитиздате редактором отдела литературы народов СССР, пригласил молодых поэтов работать над переводами. Среди них была и Мария Петровых. Первой переводческой работой поэтессы были главы из поэмы Переца Маркиша, затем последовали Абай Кунанбаев, Молла Непес и другие поэты. В 1943 году вышла книга переводов М. Петровых литовской поэтессы Саломеи Нерис, позже Юлиана Туви-ма и других авторов.

Бытует точка зрения, что счастливая судьба М. Петровых переводчицы компенсировала ее отсутствие в литературном процессе. Сама М. Петровых тяжело переносила свое молчание. Стихи ее часто лежали незавершенные, в набросках, и она очень переживала:

*О, как сердце отравлено
Немотой многолетнею!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?*

В одном из писем М. Петровых прямо называет то, что не давало ей писать стихи: «Начала было писать что-то свое и бросила! Когда над душой переводы, которые давно надо сдать,— свое писать невозможно».

В ряде других работ поэтесса признавалась, что переводит слишком медленно, чувствует огромную ответственность. Конечно, беззаветное служение своему делу, огромная самоотдача приводили к тому, что она откладывала свои стихи в сторону. Вероятно, это был тот субъективный фактор, который не дал ей раскрыться полностью в своем оригинальном творчестве.

Судьбоносной стала встреча М. Петровых с Арменией. В 1968 году в Ереване была издана первая и единственная прижизненная книга стихов поэтессы «Дальнее дерево». Она была издана при участии критика Левона Мкртчяна. Здесь же были размещены переводы.

К этой книге Мария Петровых шла долго. До этого она публиковала переводы стихов литовских, армянских, польских, еврейских и других поэтов, а своих стихов не более десятка. Портрет Марии Петровых кисти М. Сарьяна свидетельствовал о том, как высоко ценили в Армении дружбу с замечательным поэтом и переводчиком.

Коллеги по перу с восторгом отзывались о стихах Марии Петровых. Их знали наизусть и любили. Так, известный армянский поэт Рачия Кочар читал стихи М. Петровых Якову Хелемскому. Позже Я. Хелемский напишет об этом в своем очерке: «Меня поразила мощная фантазия автора этих строк. Я на мгновение забыл о том, что за окном сырая мгла северного преддизья. Привиделась уступчивая крымская крутизна, напоминающая и окаменевшие всплески морского прибоя, и застывшие языки пламени».

Впервые М. Петровых приехала в Армению осенью 1944 года. С ней Вера Звягинцева, поэт и переводчик. Они переводили стихи молодых армянских поэтов: С Капутикян, М. Маркарян, Р. Ованесяна, Г. Боряна, Г. Эмина, А. Сагияна.

Мария Петровых вспоминала об этой осени: «Это была замечательная, незабвенная осень. Мне мало пришлось ездить по Армении, но все же я была в Эчмиадзине (даже на богослужении), была на Севане... Молодые поэты оказались на редкость одаренными, работать над переводами было упоительно. Кроме того, мы с В. Звягинцевой много бродили по Еревану и окрестностям. Бывали в Норке, ходили к Зангу. Конечно, были в Матенадаране... С тех пор — моя любовь к Армении, моя верность». Об этой поездке у Марии Петровых сложились стихи:

*Осень сорок четвертого года.
День за днем убывающий зной.
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.
Сокровенной счастливой тайной
Для меня эта осень жива.
Не случайно, о, нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова...
Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.*

Стихов, посвященных Армении, у Марии Петровых немного. Однажды она сказала: «Образ Армении» ушел в глубины глубин души... Армения научила меня глубже, вернее понимать, чувствовать армянскую поэзию.

Помимо молодых поэтов, М. Петровых переводила стихи армянских классиков: Иоаннеса Иоаннисиана, Аветика Исаакяна, Ваана Теряна, Наири Зарьяна и др. В этой работе ей помогал особый дар, дар постижения и проникновения в душу другого автора, дар перевоплощения и умения переложить речь автора на язык перевода.

Мария Петровых обладала удивительным слухом, чувством гармонии и меры.

Она глубоко чувствовала строй лирики, интонацию переводимого поэта, его стиль. О переводах лирики М. Маркарян писал критик Л. Мкртчян в очерке «Поэт»: «С высокой степенью приближения М. Петровых передает сердечную нежность и суровую откровенность лирики М. Маркарян»:

*Я в мир пришла как под хмельком
И оттого иду не в такт,
Я изнутри обожжена
И оттого иду не так.
В круговорот
Невзгод, забот
Растерянно погружена,
Я выровнять пытаюсь шаг —
Не получается никак!*

Удивительно тонко улавливает Мария Петровых ритм и дыхание стиха Аветика Исаакяна. Возвышенно и торжественно звучат строки в стихотворении «Армянское зодчество»:

*Храмы нашей страны! Вы в жестоких веках
Возвышались над жизнью, сожженной дотла.
Этим стенам неведом был трепетный страх,
Солнце ярче сияло, глядясь в купола.*

Мягко, лирично и печально звучат строки Ваана Теряна в переводе М. Петровых:

*Пробудился я, счастьем обожжен.
Скорби не тая, плачет ветерок.
Ни души кругом. Тьма со всех сторон,
На пути моем вновь я одинок...*

Можно сказать, что читатель страны Советов узнал и полюбил страстные, нежные и печальные стихи Сильвы Капутикян, благодаря переводам Марии Петровых:

*Приди, приди, приди,
Хотя бы для прощанья,
Хотя бы без желанья —
Приди, приди, приди!*

Или:

*Тоска по Армении сжала мне грудь.
Когда бы на миг очутиться мне там
И облаком белым неслышно прильнуть
К неласковым, диким, скалистым горам!*

Ярким примером мастерства переводчика Марии Петровых явилась большая и трудная работа по переводу поэм Наири Зарьяна «Ара Прекрасный» и «Тиран и поэт». Анализируя перевод поэмы «Ара Прекрасный», критик Левон Мкртчян писал: «М. Петровых передала мужественный, дышащий глубокой страстью язык героев. Она сохранила высокий слог речи персонажей, не подменив его цветистостью, сохранила лапидарность языка, часто переходящую в афористичность. М. Петровых индивидуализировала язык героев трагедии и стиховыми приемами: она допускает в речи ассирийцев женские и дактилические окончания, тогда как речи действующих

лиц — армян — имеют лишь мужские окончания, вообще характерные для армянского языка):

Шамирам:

*Моя безмерна сила — я красива.
Явилась я как божество, как диво.*

Или:

*...Ответил Гайк с вершины голубой:
«Зачем же мне склоняться пред тобой?
Ты человек, я тоже человек,
И можем мы не враждовать вовек», —
Так Гайк ему сказал сквозь облака.
Бэл потемнел и стал скликать войска.*

Эти примеры свидетельствуют о том, что М. Петровых прекрасно чувствует переводимого поэта и старается передать стиль, особенности его голоса, сохранив гармонию и колорит армянской поэзии.

Мария Петровых проделала огромную работу как редактор переводов из армянской поэзии. Под ее редакцией выходили на русском языке книги известных поэтов: Аветика Исаакяна (1956), Гегама Сарьяна (1974), несколько книг Маро Маркарян, стихи Ованеса Туманяна (1969), первая книга Сильвы Капутикян и ряд других.

Д. Самойлов, руководивший вместе с М. Петровых семинаром переводчиков, писал: «Кто-то из переводчиков о ней, доброй и кроткой, выразился: «зверь». По ее редакторской работе я понял ее отношение к переводу: страстное, личное. Пристальность души проявлялась здесь. Она волновалась, огорчалась, когда чувство и мысль переводимого автора искажались своеволием переводчика. Она всегда любила того, кого переводила. Она болела за каждую строчку, словно сама ее написала. Редактируемые обижались. Им хотелось проявить поэтическую индивидуальность. Но в переводе она проявляется именно в страстном и бережном отношении к тексту. Свойства «пристальной души» проявились здесь. А в редакторском деле — твердость и воля».

Творческая дружба связывала выдающихся армянских поэтов С. Капутикян, М. Маркарян с М. Петровых. Русский поэт М. Петровых была для них и сестрой, и другом, и помощником.

Смерть Марии Петровых потрясла армянских коллег. Сильва Капутикян, выдающийся армянский поэт, признавалась: «Для меня она была как внутренняя совесть, всегда в дни сомнений я обращалась к ней — она одобряла или осуждала, и я знала: она права. Ей первой всегда читала новые стихи. Когда беседовала с ней, то забывала, по-русски я говорю или по-армянски. Это был особый язык — язык души... Вот подстрочный перевод четверостишия, посвященного ей:

*Сердце мое переполнено, кто в его дверь постучится?
Со своими новыми песнями к кому мне теперь постучаться?
Ах, ты одна умела лить слезы по-армянски,
Чтоб перевели мои слезы, к кому мне теперь постучаться?*

Велики заслуги Марии Петровых в сближении национальных литератур: она перевела огромное количество стихов из сокровищниц армянского и других народов.

Армения высоко оценила заслуги Марии Петровых, переводчика. Она — заслуженный деятель культуры Армянской ССР.